

домах, а также о пустых участках земли, большая часть которых находилась внутри города, в частности в районе рынка и храма Эанны. В пяти из этих документов речь идет об участках земли и домах, точное месторасположение которых не указано. Три сделки фиксируют приобретение Мушезиб-Мардуком разрушенных домов или пустых участков земли в районе рынка внутри города.

В самом раннем документе (№ 1) архива речь идет о продаже Мушезиб-Мардуком разрушенного дома в Уруке за полторы мины серебра в 678 г. А другой документ (№ 18) – о продаже ему части дома спустя 20 лет. Он был особо заинтересован в приобретении домов, как в хорошем состоянии, так и разрушенных, в округе храма Эанны в центре Урука или недалеко от него. При этом пять сделок представлены десятью документами, один из которых (№ 6) сохранился в трех копиях, а три других в двух экземплярах. В одном документе (№ 10) каждая сторона участка земли имела исключительно большой размер (50 × 50 м), а сам участок – 2500 м<sup>2</sup>. В документе № 11 речь идет о приобретении Мушезиб-Мардуком финиковой рощи недалеко от храма бога Нинурты за 3 мины 50 сиклей серебра с добавлением еще дополнительно 7 сиклей. Лишь в одном случае он приобретает участок зернового поля, а во всех остальных – обрушившиеся дома, пустые участки и сады.

При заключении всех этих сделок присутствовал наместник города Урука. В одном документе (№ 13) продаваемый дом характеризуется следующим образом: «...документ относительно дома в хорошем состоянии, с дверными рамами на месте, с крышей и замками, расположенного внутри Урука в районе Эанны... Мушезиб-Мардук купил за 10 мин серебра, за полную цену, у Мукин-зера... Если в будущем кто-нибудь из братьев, сыновей, родственников Мукин-зера... явится и будет претендовать на этот дом, заявляя: “Этот дом не был продан и деньги за него не были получены”, он обязан будет уплатить (в качестве наказания. – М.Д.) деньги в 12-кратном размере той суммы, которая была получена».

В другом документе (№ 4) говорится, что Мушезиб-Мардук заплатил в качестве «полной цены» за участок земли и сад 34 мины серебра. Здесь также указывается: если продавец впоследствии станет утверждать, что этот участок и сад не были проданы и серебро за них не было получено, он должен будет уплатить полученную им сумму в 12-кратном размере.

Архив Мушезиб-Мардука, воссозданный в рецензируемой книге, по-видимому, не является полным, но мог включать и другие документы, пока еще не найденные. Таблички этого архива были обнаружены во время нелегальных раскопок. Ни в каких других клинописных текстах не упоминаются ни сам Мушезиб-Мардук, ни его родственники. Архив охватывает период 45 лет (678–633 годы), поэтому можно предположить, что его владелец умер ок. 633 г.

В заключение остается отметить, что рецензируемая книга, содержащая важную информацию об аграрных отношениях в Вавилонии второй половины VII в. до н.э., является значительным вкладом в историю изучения экономических институтов этой страны.

*Magomed A. Dandamayev,*  
Institute of Oriental Manuscripts,  
Russian Academy of Sciences,  
St. Petersburg, Russia  
scientia@hermitage.ru

*М.А. Дандамаев,*  
член-корреспондент РАН,  
главный научный сотрудник Института  
восточных рукописей РАН

© 2015 г.

Вестник древней истории  
2015, № 2, с. 217–221

*Etudes pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire. P. Burgunder (ed.). Lausanne: Université, 2012. 366 p., 40 pl. h. t.*

Сборник статей «Etudes Pontiques» вышел в 2012 г. в серии «Etudes de Lettres» под редакцией П. Бургундера. В нем опубликованы материалы трех круглых столов, прошедших в Лозаннском университете осенью 2009 г. Сборник состоит из трех разделов. Первый посвящен истории Боспорского царства, второй – истории изучения древностей в России и в Центральной Азии, третий – результатам работ последних лет на античных памятниках Северного Причерноморья. Такая структура позволяет читателю постепенно погружаться в проблематику сборника, переходя от общих исторических реконструкций к конкретным археологическим объектам.

Основной целью сборника является ознакомление читателя с историей изучения античных древностей Северного Причерноморья, а также с результатами работ последних лет в этой области. Более

подробно этому вопросу посвящена первая статья «Введение в археологию Боспорского царства», авторство которой принадлежит редактору сборника П. Бургундеру. В ней в историографическом ключе рассматриваются основные аспекты взаимодействия между российским (в том числе советским) и западноевропейским научным сообществом. Автор детально останавливается на трех исследователях швейцарского происхождения: Дюбуа де Монпере, Флориане Жиле и Луи Колли. Примечательно, что все трое начинали в качестве преподавателей французского языка, но вследствие своего увлечения античными древностями заняли важное место в современном им научном сообществе и встали в ряд основателей археологии Северного Причерноморья.

Далее в статье рассказывается о работах, посвященных древностям Северного Причерноморья, которые были доступны западной публике. По мнению автора, основной проблемой в этой области являлась малочисленность публикаций на западноевропейских языках, а также, в некоторых случаях, идеологический барьер. В статье рассматриваются отечественные работы по эпиграфике, довольно подробно разбираются труды В.Ф. Гайдукевича («Das Bosporanische Reich»), А.Л. Монгайта («Archaeology in the USSR», 1961) и «Fouilles et recherches archéologiques en USSR» под редакцией В.Л. Янина (1985). Также уделено внимание сборникам и отдельным публикациям западных исследователей, посвященным исследуемой тематике. Речь идет о «Die Geschichte des Altertums im Spiegel der sowjetischen Forschung» Х. Хайнена (1980), а также о серии British Archaeological reports, в которой публиковались работы западных (Дж. Бордмэн, Дж. Ф. Хайнд) и отечественных (М.Ю. Трейстер, Ю.А. Виноградов) ученых, посвященные открытиям и истории изучения античных древностей Северного Причерноморья.

П. Бургундер отмечает укрепление связей между российским и западным обществом с середины 1990-х годов, что нашло отражение в росте числа совместных публикаций, переводах отечественных работ, публикациях на иностранных языках (в том числе на французском) обзоров, посвященных археологии Северного Причерноморья. Рецензируемый сборник встраивается в эту тенденцию и наряду с другими работами способствует интеграции археологии этого региона в общий средиземноморский контекст.

В статье Ю.А. Виноградова «Греческая колонизация Боспора Киммерийского» помимо рассмотрения некоторых аспектов колонизации региона представлены археологические материалы последних лет. Большое внимание уделено в ней отношениям между эллинами и варварами, а также их влиянию на характер колонизационного процесса. Так, фактор присутствия местного воинственного населения является одним из ключевых для понимания особенностей процесса колонизации Северного Причерноморья. В частности, он позволяет объяснить то обстоятельство, что берега Керченского пролива не были заселены на раннем этапе колонизации Северного Причерноморья.

В статье затрагивается и проблема полиса-колонии. Он подробно рассмотрен в многочисленных работах Ю.А. Виноградова, посвященных колонизации и урбанизации Северного Причерноморья. Остановимся на главных моментах. Один из них – вопрос о статусе выводимых колоний. Опорным является предположение об определении и сохранении статуса колонии с момента ее основания. По формальным признакам, носящим ретроспективный характер (данные письменных источников, монетная чеканка, этниконы), автор выделяет шесть поселений, основанных как полисы: Феодосия, Пантикапей, Кепы, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия. Все остальные поселения, по его мнению, были основаны в ходе внутренней колонизации из этих центров и входили в их зону влияния. Эта концепция предполагает значительную аккумуляцию населения в крупных пунктах, которые играли роль своеобразных посредников в процессе освоения территории. Подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной рецензии, однако стоит отметить, что в литературе встречаются и другие интерпретации колонизационного процесса, что неудивительно ввиду его сложности и допустимости иных трактовок.

Дальнейший ход освоения берегов Керченского пролива представлен также через призму отношений с варварским населением. Крупные пожары на поселениях, фортификация, земляночное строительство – все это может свидетельствовать как о конфликтах, так и о периодах мирного сосуществования с местным населением. В качестве примера Виноградов рассматривает исследуемое им поселение Артющенко I, которое, исходя из материалов последних лет, можно интерпретировать как сезонное варварское поселение, включенное в систему земледельческой экономики одного из греческих полисов (Гермонассы?).

Таким образом, в работе Ю.А. Виноградова представлена концепция колонизации Северного Причерноморья, в рамках которой рассматриваются различные аспекты этого процесса. Она позволяет составить целостное представление о его ходе и основных проблемах, с которыми сталкивается практически любой исследователь этой тематики.

А.В. Подосинов в статье «Боспорское царство в греческое и римское время: обзор» рассматривает вопросы, часть которых поставлена Ю.А. Виноградовым, и повествует об истории Боспорского царства с момента установления династии Археанактидов. Автор делает несколько замечаний о

возможном характере симмахии и причинах ее создания. В частности, говорится о внешней угрозе как одной из причин формирования союза. А.В. Подосинов подробно останавливается на правлении династии Спартокидов: проблеме происхождения основателя династии, истории экспансии, специфике Боспорского царства. По мнению автора, одной из важнейших особенностей, способствовавшей появлению «боспорского феномена», стало тесное взаимодействие греческого и варварского населения, что трактуется как проявление протоэллинизма в тех краях.

Характеризуя изменения, происшедшие в III–II вв. до н.э., автор статьи описывает кризисные явления, изменения в военно-политической обстановке. Подчеркивается особенность культурного взаимодействия: с одной стороны, глубокое проникновение варварского элемента в греческие города, а с другой – сильная эллинизация самого варварского населения. Подобное культурное взаимовлияние, составившее основу греко-варварского государства, стало моделью, которая распространилась в эллинистическую эпоху. В статье подробно изложены события, связанные с вхождением Боспора в состав Понтийского царства Митридата VI Евпатора, его гибели и установления союзнических отношений с Римом. Также рассмотрен последний этап существования Боспорского царства вплоть до нашествия гуннов в IV в. н.э.

Подводя итог практически тысячелетней истории Боспорского царства, стоит отметить, что в качестве его главной специфики А.В. Подосинов указывает на греко-варварские отношения. С этим сложно не согласиться, поскольку этот фактор, о чем уже говорилось, влиял на ход колонизации, на процесс складывания единого государства, на характер власти, на особенности культурной и духовной жизни Боспора.

Во втором разделе сборника рассматривается история изучения античных древностей Северного Причерноморья. В статье И.Л. Тихонова «Классическая археология в Санкт-Петербургском университете с XVIII в. до наших дней» детально описывается процесс становления отечественного антиковедения, формирование первых музеев, появление специальных образовательных программ. Последнее, в частности, нашло отражение в Университетском регламенте 1804 г. (создание кафедры теории изящных искусств и археологии). Автор уделяет большое внимание персоналиям, подчеркивает роль некоторых академиков в образовательном процессе. И.Л. Тихонов отмечает значительную роль Императорской археологической комиссии в процессе институционализации археологии в Российской империи, закреплении ее статуса как самостоятельной науки. Учрежденная в 1859 г. Комиссия контролировала все археологические работы на территории империи.

В качестве отдельной темы автора интересует археологическое образование в Петербургском университете. Подробно описываются и характеризуются отдельные учебные курсы, в частности курсы А.В. Прахова, Н.П. Кондакова, Б.В. Фармаковского, оказавшие большое влияние на формирование петербургской школы. В статье рассматривается эволюция археологического образования в университете – от создания в 1918 г. единого факультета гуманитарных наук до его разделения и создания впоследствии (в 1938 г.) кафедры археологии ЛГУ. Значительное внимание уделено преподавателям классической археологии на новообразованной кафедре: В.Ф. Гайдукевичу, А.В. Давыдовой, А.Н. Щеглову.

Таким образом, в статье И.Л. Тихонова представлен довольно подробный экскурс в историю формирования классической науки в России. Биографии профессоров, повлиявших на университетскую науку, анализ их деятельности позволяют составить представление об общей картине преподавания классической археологии, ее интеллектуальных корнях и преемственности.

Статья К. Майера «Скифское таинство. Ростовцев, его интерпретация греко-скифского искусства и исследование межкультурного взаимодействия в Боспорском царстве» основана на анализе работ М.И. Ростовцева. В ней рассматривается его взгляд на греко-варварское искусство Боспора, выраженный, главным образом, в монографии «Эллинизм и иранство на юге России». Материалом, на который он опирался при характеристике собственно скифских компонентов в культуре региона, были произведения скифо-греческой торевтики. Основываясь на анализе иконографии пластины из кургана Карагодеуаш, Ростовцев сделал вывод об иранских корнях духовной культуры местных племен, об их культах, особенностях социальной организации и проч.

К. Майер пытается проследить интеллектуальные корни взглядов Ростовцева на изучаемый им вопрос и усматривает их, в частности, в концепции Франца Кюмона, исследовавшего митраизм и его влияние на христианство. Большое, отчасти даже гипертрофированное значение в формировании собственной концепции Ростовцева автор придает его политическим взглядам, неприятно большевистского режима, революции, секуляризации. В целом К. Майер сомневается в бесспорности выводов, сделанных Ростовцевым при анализе иконографической традиции (в частности, о матриархальном строе местных племен), поскольку, по его мнению, современный подход к этому материалу предполагает возможность различных трактовок и интерпретаций представленных образов.

В статье «Русская археология в Центральной Азии в колониальной ситуации: некоторые подходы» С.М. Горшенина рассматривает колониальную археологию в двух основных смыслах: 1) как историю колониализма (в том числе древнего, куда укладывается колонизационная деятельность древних обществ); 2) как анализ истории колонизованных обществ. В статье постулируется достаточно тесная связь между археологией и колониальными процессами. Присоединение новых территорий вызывало закономерный подъем интереса к их древностям. Этот подъем, по мнению автора, имел следующие особенности: в случае, когда присоединялись территории, на которых находились памятники греко-римской культуры, основной упор делался на изучение именно этих древностей. Тем самым закреплялось своего рода культурное доминирование и «возвращение» к истокам, поскольку греко-римская культура мыслилась и мыслится как основа европейской цивилизации. Образцы местной культуры могли восприниматься в двух аспектах. В первом случае они оценивались как пришлые, разрушившие достижения греко-римской цивилизации, и оттого по сути варварские. Во втором – грандиозность памятников (как в случае Индии) сама по себе была впечатляющей, но их заброшенность воспринималась как признак упадка и культурной деградации.

Далее автор рассматривает колониальную модель в приложении к русской и советской археологии. Конечно, схема присоединения территорий Российской империей и Советским Союзом отличалась от тех, что применялись в ходе западноевропейской колонизации. Сам термин «колонизация» не использовался при описании ситуации присоединения новой территории. Однако при институционализации археологии как науки в регионах, попадавших в орбиту влияния России (СССР), в ее организации и направленности научных интересов С.М. Горшенина видит признаки «колониальности» этого процесса на примере Центральной Азии, и в частности Туркестана. Этот тезис автор обосновывает на примере восприятия местных жителей русским обществом, организации археологических исследований и своеобразной «монополии» на археологическое изучение региона.

Третий раздел сборника посвящен конкретным археологическим памятникам Северного Причерноморья в свете данных, полученных в ходе раскопок последних лет. В статье Д.Е. Чистова «Архаический Борисфен (поселение на острове Березань). Первая греческая колония Северного Причерноморья в свете материалов из новых раскопок Государственного Эрмитажа в восточной части острова» рассматриваются различные аспекты истории поселения. Первый момент, на котором останавливается автор, касается времени основания поселения и расхождения в письменных и археологических источниках по этому вопросу. Объяснением этого расхождения может служить то, что ранние слои были разрушены береговой эрозией или еще не открыты. Архаический период существования памятника рассмотрен автором довольно подробно – описаны жилые комплексы, предполагаемые производственные объекты и проч.

Особое внимание уделено вопросу о статусе поселения (Борисфена?). На суд читателя выносятся несколько гипотез. Первая предполагает основание поселения как эмпория Милета, с дальнейшим его попаданием в сферу влияния Ольвии. В рамках второй Борисфен рассматривается как автономный полис. Третья интерпретация подразумевает, что изначально регион осваивался небольшой группой колонистов, которая в дальнейшем попала под контроль Ольвии. В итоге автором предлагается версия, согласно которой целями основания Березанского поселения были торговля и добыча сырья, что подтверждается наличием комплексов, связанных с металлургией.

Д.Е. Чистов детально описывает процесс урбанизации Березанского поселения (вторая половина VI – первая четверть V в. до н.э.), переход к наземному домостроительству, появление общественных зданий. Автор обращает внимание на то, что публичные здания сохранились и в последние десятилетия существования поселения. Это позволяет сделать вывод о сохранении полисных традиций после основания Ольвии частью населения Березани.

Вслед за публикацией, посвященной Березанскому поселению, в сборнике помещена статья В.В. Крапивиной «Ольвия Понтийская. Основные результаты раскопок 2006–2010 гг.», в которой подробно описываются раскопки на нескольких участках городища, где вскрыты объекты разных этапов существования поселения – со второй четверти VI в. до н.э. по римское время включительно. Исследования последних лет представляют большое количество информации о существовании поселения в первые века н.э. В частности, изучена крепостная стена I–II вв. н.э., интегрировавшая системы укреплений предшествующих периодов. Исследования в нижней части города выявили слои пожаров и разрушений, которые автор связывает с осадой города Зопирионом.

Помимо исследований на поселении, раскопки проводились и на некрополе Ольвии. Некоторые из этих комплексов В.В. Крапивина интерпретирует как человеческие жертвы, принесенные во время осады Зопириона с целью защитить город. На некоторых участках некрополя обнаружены предшествующие хозяйственные комплексы. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что эта территория поначалу была сельскохозяйственной зоной города, которая лишь со временем, по мере роста поселения, была занята некрополем.

О новых археологических открытиях на священном участке (теменосе) Истрии рассказывается в статье А. Аврама и Ю. Биржеску «Новые раскопки священного участка Истрии». Авторы подробно описывают динамику эволюции теменоса. Первым святилищем была естественная яма в скале. В дальнейшем на теменосе Истрии были возведены три храма, посвященные Афродите, Аполлону, и Зевсу. Археологические материалы позволяют выделить четыре периода разрушений города и сакральной зоны. Первое, происшедшее в конце архаической эпохи, связывается с походом Дария или с кампанией Мардония во Фракии. Второе – с экспедицией Лисимаха в 313 г. до н.э. Третье (около 100 г. до н.э.), по всей видимости, было вызвано землетрясением. Четвертое и окончательное разрушение датируется серединой I в. до н.э.; оно объясняется нашествием гетов Бурбисты. Заканчивается история существования теменоса десакрализацией места в римскую эпоху. К сожалению, причины этого события до сих пор неясны.

В заключительной статье сборника «Сельская жизнь античного Крыма: Панское и его окрестности», принадлежащей перу В.Ф. Столбы, рисуется картина жизни сельскохозяйственной округи городов Северного Причерноморья на примере поселения Панское I. В начале статьи дана характеристика природных ресурсов, почв, водоемов мыса Тарханкут, на котором расположены Панское I и соседние с ним памятники. Автор отдельно останавливается на истории этого поселения, его связи с Ольвией, с Херсонесом. В статье довольно подробно описана экономическая жизнь поселения, подчеркивается роль земледелия, скотоводства, а также влияние климатического фактора на сельское хозяйство. В частности, по мнению автора, климатические изменения вызвали переход к высеванию более устойчивых сельскохозяйственных культур (рожь).

В.Ф. Столба проанализировал керамический комплекс с поселения Панское I и выделил три группы лепной керамики: первая связана со скифским населением, вторая – с поздним этапом Кизил-Кобинской культуры, третья представлена подражаниями греческой гончарной керамике. Исходя из анализа керамического материала автор делает вывод о гетерогенном составе населения и о присутствии в его составе варварского компонента. В статье представлена характеристика торговых связей поселения с соседними полисами, данных о культовой жизни населения Панского I, что иллюстрируется комплексами, открытыми в последние годы работ на памятнике. Значительная роль в истории поселения, о чем говорилось выше, отводится климатическим изменениям. Так, именно они наряду с усилившейся угрозой со стороны кочевников, по мнению В.Ф. Столбы, привели к постепенному затуханию жизни на поселении в III в. до н.э.

Подводя итог обзору статей сборника «Etudes Pontiques», можно сказать, что в нем нашло достаточно полное отражение нынешнее состояние античной археологии Северного Причерноморья. Нет сомнения, что представленные публикации будут особенно интересны западным читателям, но и отечественные исследователи найдут в них немало полезного для себя. Остается надеяться на продолжение этой серии и появление новых международных сборников, посвященных Северному Причерноморью античной эпохи.

*Angela V. Batasova,*  
Institute of the History of Material  
Culture (St. Petersburg),  
Russian Academy of Sciences  
batasova.angela@gmail.com

*A.B. Батасова,*  
соискатель Института истории  
материальной культуры РАН

© 2015 г.

Вестник древней истории  
2015, № 2, с. 221–229

*P.J. KOSMIN.* The Land of the Elephant Kings: Space, Territory and Ideology in the Seleucid Empire. Camb. (Mass.)–L.: Harvard University Press, 2014. 423 p.

История державы Селевкидов – крупнейшей монархии эллинистического Ближнего Востока – уже более трех десятилетий находится в центре острых научных дискуссий. За это время специалисты, представляющие ведущие мировые антиковедческие и востоковедческие школы, посвятили десятки трудов самым разнообразным аспектам истории государства Селевкидов: от общих проблем политической истории до специальных вопросов, связанных с социально-политическим устройством, экономикой и идеологией. Тем не менее именно последние несколько лет, на протяжении которых мы наблюдаем постоянно растущий интерес к селевкидской тематике, стали для историографии чрезвычай-